

ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2019 г. С. Тихомиров

*ТИХОМИРОВ Сергей Николаевич, кандидат юридических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (tikhomirov@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 28.04.2018.

Объявленная почти 30 лет назад всемирная кампания ООН по защите от стихийных бедствий не приносит “существенного снижения” экономических потерь, которого весь период неоднократно намечалось достичь. Одной из главных причин этого представляется слабое развитие организационно-правовой базы всеобщих целевых мероприятий. Предлагается переход от рекомендательного к обязательному регулированию, для чего необходимо активизировать процесс формирования универсальных правовых и институциональных регуляторов новой области международных отношений.

Ключевые слова: стихийные бедствия, уменьшение опасности бедствий, ООН, международное право.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-76-82

ТРЕВОЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Вопрос о противостоянии ударам природы был всегда актуальным. Человек, видя свое призвание в том, чтобы стать ее покорителем, постоянно искал не столько разумные, сколько кратчайшие пути к победе над “непреодолимой силой”, а когда его настигало “наказание” в виде наводнения, землетрясения, пожара или засухи, делал все возможное для быстрого восстановления разрушенного и наиболее полного возмещения полученных потерь. Сегодня ежегодное увеличение числа чрезвычайных ситуаций и погибших в них, неуклонный рост размеров материального вреда в мире заставляет уделять все большее внимание вопросам защиты людей и объектов инфраструктуры, ставит прогнозирование и уменьшение форс-мажорного ущерба в ряд приоритетных задач обеспечения национальной и всеобщей экономической безопасности. Совет безопасности Российской Федерации на своем заседании в ноябре 2003 г. отнес природные угрозы к факторам, определяющим стратегический риск государства [1].

Стихийные бедствия есть результат, в большинстве случаев, труднопредсказуемых и непредотвратимых природных явлений различного масштаба, в совокупности приносящих колоссальные убытки глобальной экономике и огромные жертвы среди населения Земли. Опасные события естественно-го характера весьма разнообразны — от землетрясений, извержений вулканов, наводнений, засух до эпидемий и нашествий сельскохозяйственных вредителей. Альтернатива, о которой следует упомянуть подробнее, — человеческий вклад: нередко прослеживается обратная связь, когда катаклизм есть следствие проблем, созданных самим общест-

вом. Антропогенная нагрузка на все геосферы (атмосферу, гидросферу, литосферу и биосферу) год от года возрастает, что особенно заметно в последние десятилетия. При определенных условиях это воздействие, будучи несбалансированным, возбуждает или активизирует неблагоприятные стихийные явления. В качестве важнейшей из рукотворных причин увеличения на Земле количества и тяжести природных катастроф выступает стремительный экономический подъем. В XX веке, в связи с двадцатикратным умножением хозяйственного потенциала человечества, на пути дальнейшего ускорения встали адаптивные возможности природы. Кроме прочего, конфликт с ней выражается противоречием двух тенденций. С одной стороны, идет прибавка валового мирового продукта (ВМП), а с другой, происходит быстрое уменьшение минерально-сырьевой базы, необходимой для существования растущей земной популяции, потому что невозобновляемые ресурсы истощаются производственным циклом. Их промышленное извлечение есть вмешательство в наиболее стабильную оболочку земного шара — литосферу, — которое влечет ее необратимые деструктивные изменения, приводящие к нарушению естественных геофизических процессов. При этом в ней появляются и стимулируются разрушительные экзогенные (поверхностные) и эндогенные (глубинные) эффекты: индуцированная (наведенная) сейсмичность, опускание и/или подтопление территорий, карсто-суффозионные провалы и т.п. [2, сс. 17-18]. Еще одним примером может служить то, что вследствие экономического прогресса расширяется пространство взаимного перекрытия районов наиболее интенсивной деятельности (хозяйственного освоения, компактного проживания и др.)

с зонами геологического риска. Образовавшиеся критические участки, не выдерживая повышения давления, “отзываются” эрозией и литосферными аномалиями. Эта ответная реакция весьма способствует росту количества стихийных бедствий и величины наносимого ими вреда. В XXI столетии человеческое участие, как ожидается, будет заметнее, и в силу своего управляемого характера оно может, а потому должно стать контролируемым условием их возникновения [2, с. 7].

Изменения окружающей среды на планете противоречат интересам добывающей и производственной сфер, не позволяют улучшать стандарты качества жизни; урон от катастроф рассматривается как одно из серьезных препятствий, сдерживающих устойчивое развитие, порождающих социальную напряженность¹. Чтобы при сегодняшнем масштабе происходящего адекватно противодействовать стихии и реально снижать потери от ее ударов, требуется сотрудничество стран на глобальном уровне.

ВСЕОБЩЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Понимание того, что природные катаклизмы являются серьезной преградой общественному и экономическому прогрессу, побудило Организацию Объединенных Наций осуществить с 1990 по 1999 г. широкую программу мероприятий Международного десятилетия по уменьшению опасности стихийных бедствий [4, pp. 161–162] и впоследствии ежегодно отмечать 13 октября как Международный день, посвященный этой проблеме [3]. Главным документом этого периода является закрепившая взятый курс концептуальная декларация “Йокогамская стратегия по обеспечению более безопасного мира” (*Yokogama Strategy and Plan of Action for a Safer World*) первой всемирной конференции по данному вопросу, созванной ООН в Йокогаме (май 1994 г.). Стороны подтвердили “важнейшее значение существенного сокращения до 2000 года числа жертв и материального ущерба в результате бедствий и продолжения, в случае необходимости, процесса уменьшения опасности бедствий после завершения текущего столетия” [5, р. 17]. Как видно из текста, авторы не смогли сдержаться от выражения в нем своих тревожных ожиданий, которые, к сожалению, оказались знаменательными и оправданными: план успеха не принес. Следуя заявленному, для получения недостигнутого ре-

зультата ООН на рубеже веков провозгласила Международную стратегию уменьшения опасности бедствий. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 54/219 [6, pp. 203–204], кампания имеет целью создать на всех ступенях (общинной, муниципальной, национальной, региональной, глобальной) возможности уверенного противостояния природным и техногенным катастрофам.

Через пять лет после начала реализации этого проекта состоялась вторая всемирная конференция по данной теме для подведения итогов и определения долговременной перспективы. Форум Объединенных Наций 22 января 2005 г. принял Хиогскую рамочную программу действий 2005–2015 [7, pp. 6–27]. По замыслу авторов, она являлась “путевым листом”, следуя указаниям которого участники должны были “добиваться в течение ближайших 10 лет (то есть с отсрочкой до 2015 г. – С.Т.) следующего ожидаемого результата: существенно сокращения числа человеческих жертв, а также социального, экономического и экологического ущерба для общин и стран вследствие бедствий”². Государствам новое постановление, дающее ориентиры устойчивого развития, предлагалось в качестве *рекомендательного* руководства по увеличению эффективности борьбы с катастрофами. Документ саммита был написан как базовый для создания национальных и региональных стратегий, договоров, неюридических нормативных актов чрезвычайной тематики. На его основе и в продолжение была разработана, а по завершении намеченного периода, 18 марта 2015 г., принята третьей всемирной конференцией ООН очередная, Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий 2016–2030 [8]. Так как по своему объективному итогу ни хиогский, ни иокогамский, ни предшествующий им этап остроты мировой проблемы не уменьшили, то новые ожидания собравшихся на форум в японском Сендае, по сути, остались старыми: “Эта рамочная программа призвана обеспечить с опорой на Хиогскую рамочную программу действий достижение в ближайшие 15 лет (то есть с переносом уже на 2030 г. – С.Т.) следующего результата: существенного снижения риска бедствий и сокращения потерь в результате бедствий в виде человеческих жертв, утраты источников средств к существованию и ухудшения состояния здоровья людей, и неблагоприятных последствий для экономических, физических, социальных, культурных и экологических активов людей, предприятий, общин и стран” [8, п. 16].

Путь, которым надо идти к поставленной Объединенными Нациями стратегической цели, чтобы получить воистину долгожданный результат, указы-

¹ Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции 64/200 от 21 декабря 2009 г. “Международная стратегия уменьшения опасности бедствий” (*United Nations International Strategy for Disaster Reduction*) особо отмечает, что “уменьшение опасности бедствий, в том числе снижение уязвимости для стихийных бедствий, является важным сквозным элементом, способствующим достижению устойчивого развития” [3, преамбула].

² См. Раздел В “Ожидаемый результат” Части II “ВКУОБ: Цели, ожидаемый результат и стратегические задачи” [7, п. 11].

вают дух и буква обоих документов. В соответствии с положенной на бумагу концепцией, это — повсеместное повышение культуры безопасности в понимании того, что противодействие катастрофам есть составляющая устойчивого развития. Данный подход предполагает прежде всего предупреждение вреда, причиняемого чрезвычайными факторами, и отражен, в частности, в формуле “культура предотвращения бедствий”, закрепленной в принимаемых текстах. О достаточно глубоком проникновении в общественное сознание превентивной идеи убедительно свидетельствует то, что она в той или иной мере присутствует в большинстве положений программных актов.

Но можно и нужно ли в последующие полтора десятилетия ждать достижения обещанного необязательными планами? Вместе с быстрым ростом угрозы это подскажут типичные средства защиты от нее, предназначенные реализовать главное идейное начало как проводимой стратегии, так и всей борьбы с опасностью бедствий, которое способно стать одним из основных принципов *правового* регулирования в образующейся области международных отношений.

РЕАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Служба раннего оповещения о гуманитарных ситуациях (Humanitarian Early Warning Service) — действующий под руководством Всемирной продовольственной программы³ единый глобальный телекоммуникационный механизм для своевременного информирования о значительных природных катаклизмах. Эта структура, уже доказавшая свою полезность и имеющая широкий круг постоянных пользователей, нуждается в совершенствовании. В дальнейшем предлагается предоставлять сводки о чрезвычайных ситуациях в более доступном виде, усилить наблюдение за наводнениями, укрепить сеть партнеров по научному сотрудничеству. Однако сделанные предложения находятся лишь на уровне рационализации традиционного новостного обмена и, главным образом, в интересах того, кто уже оказался потерпевшим в критических обстоятельствах, переросших в бедствие.

Центральный регистр сил и средств для организации работ в случае стихийных бедствий (Central Register of Disaster Management Capacities) создан как

³ Всемирная продовольственная программа — подразделение ООН, крупнейшая в мире международная неправительственная организация по оказанию продовольственной помощи. Программа осуществляет 2/3 мирового объема чрезвычайных поставок продовольствия населению, терпящему природные и техногенные бедствия. Для этого создана глобальная транспортно-коммуникационная инфраструктура специального назначения, которая во всех районах мира обеспечивает ежедневную перевозку грузов группами экстренного реагирования.

оперативный инструмент коллективного реагирования государств на катастрофы. Регистр содержит перечни сил и средств для принятия мер широкой гуманитарной поддержки, готовых к мобилизации в таких случаях. Он служит устранению последствий и мало приспособлен для их предупреждения. Кроме того, осталась нерешенной проблема своевременного обновления данных. Ревизия ООН признала целесообразной реорганизацию Регистра, и в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 65/264 [9, п. 15] он деформируется на отдельные тематические проекты.

Результативность неотложных мероприятий решающим образом зависит от широты привлечения и отсутствия перебоев в применении *информационных и телекоммуникационных технологий*. При этом главным инструментом регулирования в международной сфере должна была стать Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи от 18 июня 1998 г., которая вступила в силу 8 января 2005 г. и ратифицирована 48 государствами [10, pp. 5-123]. В борьбе с ущербом, — согласно названию, уже причиненным, — она обязана способствовать быстрому и рациональному выделению средств связи, организовывать потоки срочной информации. Но, как показывает практика, на слаженность оперативных мероприятий принятая Конвенция существенно не повлияла. Обращения в экстремальных условиях к статьям документа, давая некоторые положительные результаты, во многих случаях должного действия не имели. Недостаточная эффективность норм, возможно, объясняется и проблемами имплементации Конвенции Тампере⁴. В частности, многие государства — стороны этого договора еще не внедрили его постановлений в национальные системы права до уровня актов исполнительно-распорядительных органов власти.

В целях ликвидации разрушений, восстановления и реконструкции объектов экономической и социальной инфраструктуры на подвергшихся ударам стихии территориях профильные учреждения Объединенных Наций и заинтересованные международные организации в настоящее время все шире используют *спутниковое картографирование*. Этот вид наблюдения за районом бедствия осуществляется посредством технологий дистанционного зондирования Земли, дающих материал для дальнейшей обработки. На основе исследования полученных таким способом изображений и сопровождающих телеметрических показаний делаются

⁴ См. Постановление Правительства Российской Федерации “О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. №701” от 14 апреля 2010 г. №243 [11].

предварительные заключения о характере и величине причиненного ущерба. Обследование с помощью космических аппаратов является наиболее перспективным путем получения текущих сведений о чрезвычайных ситуациях. Но чтобы в соответствии с резолюцией Генассамблеи ООН 60/125 [12, п. 16] спутниковые данные и результаты их анализов могли успешно использоваться для незамедлительной оценки разрушений, своевременного определения неотложных потребностей в бедствующих регионах и их скорейшего восстановления, считается необходимым создание специального механизма. Признается целесообразным и предполагается, что он будет функционировать в рамках договоров, заключенных между Управлением по координации гуманитарных вопросов Секретариата ООН и программой ЮНОСАТ – инициативой Объединенных Наций по доступу к спутниковой, в том числе географической, информации. Экономические планы предусматривают изыскание международных спонсоров, которые будут делать определяемые проблемами создания механизма дополнительные, в первую очередь финансовые вложения. Однако в условиях увеличения мирового роста потерь, вызванных природными и техногенными чрезвычайными ситуациями, развитие космического компонента защиты от этой угрозы требует уделить коррекции стратегии орбитальной группировки не менее серьезное внимание, чем институциональному совершенствованию, с тем чтобы усилить акцент на предупреждении ущерба.

Большую роль в ликвидации последствий разрушительного воздействия часто играет *военный ресурс*. В первую очередь указанное относится к технике, которая, превосходя гражданские аналоги по своим характеристикам, оказывает жизненно важную неквалифицированную помощь и позволяет в кратчайшее время попасть в пострадавшие районы, осуществить срочную эвакуацию, провести первичные спасательные мероприятия, оперативные инженерные работы на местности и т.п. Вместе с тем из-за особых порядка и характера военного обеспечения борьбы с бедствиями последнее сопровождается на практике сложными административными проблемами и поэтому труднодоступно, а будучи санкционировано, зачастую используется широко и нерационально, при том что всегда сопряжено со значительными издержками. Кроме того, передвижение войск в условиях ослабления государственного управления, прежде всего при экстренном вводе иностранных подразделений, рассматривается как угроза для национальной безопасности.

Вышеописанные препятствия диктуют свои требования не только технико-экономическому обоснованию, но в первую очередь организации привлечения военных активов. Поэтому от разви-

тия материальной базы данного вида противодействия должно быть неотрывным создание ее юридической регламентации. Как представляется, в ходе этих двух параллельных процессов сформируются на практике и найдут отражение в указаниях нормативных актов относительно устойчивые критерии целесообразности оказания военизированной поддержки, выработанные путем анализа видов, объемов, затрат и эффективности предоставления вооруженных сил для решения типовых задач гражданской защиты. Разумеется, принимаемые нормы будут оставлять государственной власти возможность применять их во всей полноте учета политических условий ведения таких операций.

Тем не менее жесткая оргспецифика, высокие расходы, боевое назначение, суверенные интересы остаются строгими границами, предопределяющими использованию военного ресурса роль лишь крайней меры по смягчению удара “непреодолимой силы”, как именуется эксцесс стихии в доктрине права [13, pp. 66-78]. Названные особенности и обусловленные ими недостатки, свойственные участию войскового контингента, не позволяют считать его адекватным инструментом борьбы с бедствиями, и это указывает на необходимость сокращать военную составляющую сил реагирования и чрезвычайной помощи.

НЕКОТОРЫЕ “ОРГВЫВОДЫ”

Сделанные оценки приводят к мысли, что реализация стратегии выделяемыми сегодня средствами означает желание уменьшить человеческие жертвы и экономические потери, используя несоответствующие ему возможности. Для коррекции разрушительного тренда последних десятилетий привлеченного потенциала недостаточно, и об этом свидетельствует прежде всего устойчивый фактический результат, противоположный ожидаемому: “существенным” стало не снижение, а увеличение ущерба от природных катастроф. Мировая угроза требует адекватного реагирования – глобального управления риском бедствий, ответной меры, обусловленной не только неблагоприятной тенденцией в природе, но представляющей собой фактор и одновременно следствие глобализации как закономерного развития связей между странами. Направлять, особенно в таких масштабах, поведение людей к намеченным целям и результатам призваны правила, которые его для этого рационализируют, более или менее твердо диктуя необходимые ограничения. В социуме разумной реакцией на приближение опасности является повышение организованности, что право, будучи одной из форм общественного сознания, отражает образованием норм, укрепляющих дисциплину и ответственность. Разумеется, для ожидаемого от требо-

ваний такого рода воздействия они должны иметь высокую императивность — обладать юридической силой. Вытекающее отсюда понимание проблемы, обозначенной в начале как несоразмерность желания и возможностей, — не соответствующее решаемой задаче качество нормативного регулирования: Международная стратегия и ее документы лишь *рекомендательны*, члены мирового сообщества, при жестком подходе, могут не подчиняться вынесенным “мягким” постановлениям. Создание единообразного поведения в какой-либо области интересов посредством правил, которые по взаимному согласию государств для выполнения *обязательны*, есть назначение международного права. Но “своевольные” акторы этого созидательного процесса имеют верховенство на своей территории и *de jure* независимы во внешних делах, где каждый из них, разумеется, придерживается собственной ориентации. Поэтому указанное оргсредство имеет серьезные “побочные эффекты”: *вопросы, возникающие в первую очередь из неприкосновенности суверенитета власти*, затем — из неординарной политической мотивации сторон, а также иные трудности — производные как от данных причин, так и от конъюнктуры, сопровождающие превращение основных теоретических принципов в конкретные применяемые положения.

Формирование универсальных правовых механизмов для чрезвычайных ситуаций идет медленно даже при проявившей себя угрозе, и к настоящему времени юридический фундамент сотрудничества еще не сложился, несмотря на понимание необходимости налаживания здесь многосторонних отношений экстренной помощи. Традиционного поведения, которое находит среди стран официальное одобрение и потому стало обязательным, нет [14]. Две действующие конвенции — Тампере 1998 г., уже затронутая автором, и Рамочная конвенция 2000 г. по гражданской обороне [15], — своими короткими текстами регламентируют только отдельные пункты обширной тематики, в обстановке дестабилизации предупреждая, главным образом, вмешательства во внутренние дела. Декларативным предписанием ООН для того, чтобы приобрести “твердый” характер, нужно, благодаря устойчивой практике следования им, получить признание в качестве обычая либо, пройдя надлежащие процедуры, быть закрепленными в статьях договоров. И то, и другое на глобальном уровне пока отсутствует.

Труднопреодолимыми препятствиями для правообразования здесь как на “практическом”, так и на “документальном” пути представляются те, которые названы выше первоочередными вопросами. Ввод сил и средств из-за рубежа для спасения пострадавших и ликвидации последствий разрушений способен нанести вред национальной

безопасности не только извне, но также сталкивая интересы населения и правительства. В экстремальных условиях и обстановке ослабления управления иностранное присутствие повышает как защищенность гражданина, так и риск подрыва государственной самостоятельности. Поэтому, несмотря на культивируемый западной доктриной примат блага индивида, у субъектов создания норм поведения в мировом сообществе стремление сбегать в исключительных обстоятельствах прежде всего суверенные ценности преобладает над объявленным намерением “уменьшения человеческих жертв, страданий людей и ущерба, причиняемого имуществу и окружающей среде в результате бедствий” [10]. Требования международного права есть дополнительные рамки для свободы власти, и цитируемая прокламация подкреплена готовностью сдерживать себя их ограничениями лишь с “разумной достаточностью” — той, которую определяет стойкая доминанта “*salus patriae — suprema lex*”⁵, пока необоримая для либеральной глобалистской идеи и непререкаемая в трезвой внешней политике. Отсюда — осторожная условность обязательных положений, действующих сегодня, например: “... государства-участники, *когда это возможно и в соответствии со своим внутренним законодательством, снижают или устраняют* регламентационные барьеры...” (курсив автора. — С.Т.) [10].

Опыт выявил низкую эффективность не имеющей обычных установлений этой скромной базы неотложных мероприятий, сводимой к двум конвенциям — 1998 и 2000 г. [16], — а также указал на настоятельную необходимость дальнейшего усиления и совершенствования специального универсального института борьбы с катастрофами. В данном контексте итоговые решения всемирных форумов, посвященных исследуемой теме, и принятые по ней резолюции Объединенных Наций представляют собой очень полезные рекомендательные наработки будущей нормативной основы противодействия угрозе. Но вполне адекватной разумной реакцией на приближение опасности, более целесообразной для вновь заданного “сушественного снижения потерь”, надо считать подскрываемое ростом частотности бедствий ускорение формирования “правового пространства чрезвычайного назначения” с организационными императивами — принципами, правилами, режимными стандартами. То есть речь идет о юридической отрасли для регламентации жизненно необходимых межгосударственных связей, которые в той или иной степени актуальны для каждой страны и предполагают поэтому весьма широкий круг субъектов. Сейчас, в отсутствие “твердого” фундамента, безуспешно пытаюсь посредством “мягкой” координации получить неоднократно

⁵ “Польза отечества — высший закон” (лат.).

намечавшийся, но не достигнутый результат, почти тридцатилетняя кампания ООН нерационально использует главный ресурс любой стратегии — время, на сей раз предоставляемое природой для мобилизации адаптивных способностей человека и производства. Однако при наблюдаемой динамике “катастрофическая” тенденция, преодолев присутствующие в массовом сознании инертность восприятия и недооценку критичности новой мировой проблемы, заставит активизировать раз-

витие глобального управления риском, гарантированного системой соответствующих взаимных обязательств. Российское влияние на становление права, регулирующего важную, но пока непрочную составляющую международной безопасности сегодня, есть залог успешного продвижения российских национальных интересов завтра, на этапе развернутого строительства всеобщей защиты от стихийных бедствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Решения совместного заседания Совета безопасности Российской Федерации и Президиума Госсовета Российской Федерации от 13 ноября 2013 г. Протокол № 4.* [The Decisions of the Joint Meeting of the Security Council of the Russian Federation and the Presidium of the State Council of the Russian Federation Dated November 13, 2013. Protocol No. 4 (In Russ.)].
2. Осипов В.И. *Опасные природные процессы — стратегические риски России.* Москва, Фонд “Знание” им. С.И. Вавилова, 2009. 40 с. [Osipov V.I. *Opasnye prirodnye protsessy — strategicheskie riski Rossii* [Dangerous Natural Processes Are Russian Strategic Risks]. Moscow, Fond “Znanie” im. S.I. Vavilova, 2009. 40 p.]
3. *Resolutions and Decisions Adopted by the General Assembly during Sixty-Fourth Session. Volume I. Resolutions 15 September — 24 December 2009. General Assembly. Official Records: Sixty-Fourth Session. Supplement no. 49 (A/64/49).* New York, United Nations, 2010. 611 p.
4. Annex to the United Nations General Assembly Resolution 44/236 of 22 December 1989 “International Decade for Natural Disaster Reduction”. International Framework of Action for the International Decade for Natural Disaster Reduction. *Resolutions and Decisions Adopted by the General Assembly during Forty-Fourth Session. Volume I. Resolutions 19 September — 29 December 1989. General Assembly. Official Reports: Forty-Fourth Session. Supplement no. 49 (A/44/49).* New York, United Nations, 1990. 368 p.
5. *Resolution 1. Annex I. Yokohama Strategy for a Safer World: Guidelines for Natural Disaster Prevention, Preparedness and Mitigation, Containing the Principles, the Strategy and the Plan of Action. Report of the World Conference on Natural Disaster Reduction.* Yokohama, Japan, 23–27 May, 1994. Doc. UN A/CONF.172/9.1994.27 September. 49 p.
6. Resolution Adopted by the General Assembly 54/219. International Decade for Natural Disaster Reduction: Successor Arrangements. 3 February 2000. *Resolutions and Decisions Adopted by the General Assembly during Fifty-Fourth Session. Volume I. Resolutions 14 September — 23 December 1999. General Assembly. Official Reports: Fifty-Fourth Session. Supplement no. 49 (A/54/49).* New York, United Nations, 2000. 479 p.
7. *Resolution 2. Hyogo Framework for Action 2005–2015: Building the Resilience of Nations and Communities to Disasters. Report of the World Conference on Disaster Reduction.* Kobe, Hyogo, Japan, 18–22 January 2005. United Nations. General Assembly. Doc. UN A/CONF.206/6.2005.16 March. 42 p.
8. *Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030.* Sendai, Japan, 14–18 March 2015. Doc. UN A/CONF.224/L.2.2015.7 April. 35 p.
9. *Resolution Adopted by the General Assembly 65/264. International Cooperation on Humanitarian Assistance in the Field of Natural Disasters, from Relief to Development.* United Nations. General Assembly. Doc. UN A/RES/65/264.2011.21 June. 7 p.
10. Tampere Convention on the Provision of Telecommunication Resources for Disaster Mitigation and Relief Operations. Tampere, 18 June 1998. *United Nations Treaty Series. Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations*, vol. 2296, no. I-40906. New York, 2006. 353 p.
11. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2010, № 16, ст. 1926 [The Assembly of the Russian Federation. 2010, no. 16, art. 1926 (In Russ.)].
12. Resolution Adopted by the General Assembly 60/125. International Cooperation on Humanitarian Assistance in the Field of Natural Disasters, from Relief to Development. 15 March 2006. *Resolutions and Decisions Adopted by the General Assembly during Sixtieth Session. Volume I. Resolutions 13 September — 23 December 2005. General Assembly. Official Reports: Sixtieth Session. Supplement no. 49 (A/60/49).* New York, United Nations, 2006. 534 p.
13. Documents of the Thirtieth Session (Excluding the Report of the Commission to the General Assembly). *Yearbook of the International Law Commission 1978.* Vol. II, part One. New York, United Nations, 1980. 168 p.
14. *Protection of Persons in the Event of Disasters. Preliminary Report on the Protection of Persons in the Event of Disasters, by Mr. Eduardo Valencia-Ospina, Special Rapporteur.* United Nations. International Law Commission. Doc. UN A/CN.4/598.2008.5 May. 22 p.
15. Framework Convention on Civil Defence Assistance. Geneva, 22 May 2000. *United Nations Treaty Series. Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations*, vol. 2172, no. I-38131, New York, 2002. 288 p.

16. Илющенко А.А. Международное сотрудничество в ликвидации последствий землетрясения в Гаити (международно-правовые аспекты). *Московский журнал международного права*, 2010, № 4(80), сс. 155-175. [Ilyushchenko A.A. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v likvidatsii posledstviy zemletryaseniya v Gaiti (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [The Earthquake in Haiti: Law and Legal Issues in International Disaster Response]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2010, no. 4(80), pp.155-175.]

IMPORTANT COMPONENT OF GLOBAL ECONOMIC SECURITY

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 76-82)

Received 28.04.2018.

Sergei N. TIKHOMIROV (tikhomirov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23 Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The study, the subject of which is the global increase of natural disaster risk, is devoted to the topic of international opposition to this trend. The author considers organizational and legal aspects of the struggle to draw attention to ineffectiveness of the resistance strategy conducted at the global level today, and to point out the need to accelerate the development of regulatory and institutional regulation there. The increase of emergency situations on Earth in number and extent creates a security problem that requires coordination of defensive efforts by states as well as complementation of each other's material and intellectual resources. Such cooperation serves as a new factor of the regular world integration. The plan of universal events announced in 2000 – the UN International Strategy for Disaster Reduction – and regular world forums devoted to the problem could be its organizational platform in the considered sphere. The decrees and the bodies that appeared on this basis are, in fact, the developments for global disaster risk management. According to the United Nations concept, it should provide for the sustainable development amid disasters and temperature changes, together with the other two UN projects – Agenda 21 and the Paris Climate Agreement. However, during the 30-year period of the United Nations' "extraordinary" initiative promotion, the strategists and the entire campaign launched in 1989 have never fulfilled their assigned tasks. Analyzing the main provisions of the program documents and possibilities of typical means for their implementation, the author comes to a conclusion that it is impossible to achieve once planned "substantial reduction of losses" by dint of the current organizational base and counteraction potential used. In order to strengthen the protection against natural disasters, it is proposed to intensify the process of international obligations development with a view to the subsequent transition from recommendatory to legal regulation of it. In order to reflect Russia's interest for a legally guaranteed security system adequately, it is necessary to shape a political plan for development of a new area of interstate relations, which would provide for measures to influence their regulatory and institutional basis improvement. The study should contribute to an objective assessment of the state of affairs, help predict the development in the universal sphere of cooperation to combat disasters, and prepare proposals to improve the effectiveness of civil defense management.

Keywords: natural disasters, disaster reduction, UN, international law.

About author:

Sergei N. TIKHOMIROV, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-76-82